Эрика разворачивается тем самым способом, всегда вызывавшем в моём паху сладостную тяжесть, когда плиссированная юбочка, развеваясь, кружиться вокруг её точёной талии, приподнимаясь так, что становиться видна снежно-белая полоска кружевных трусиков. Знает же эта златовласая искусительница как возбудить своего брата-извращенца! Без видимых усилий она заставляет меня исходить соками желания и превращает в бурлящее спермой животное. Наверняка замечала, каким жадным взглядом я пожирал её затянутую в плис попку, когда она вот так же точно крутилась перед зеркалом. Меня обдувает прохладой и совершенно особым запахом, которым пахнут её трусики, и я таю в блаженной истоме, совершенно позабыв о своем бедственном положении и грядущей расплате, а эта прекрасная соблазнительница уже, хохоча, несется к двери, по-детски подпрыгивая при каждом шаге. Сущая невинность, но этим-то как раз меня и не обмануть, слишком хорошо я знал изнанку этой ангельской обертки. Эрика, задержавшись у двери, поворачивается и, ослепительно улыбаясь, отчего у неё на щеках появляются чудесные ямочки, с напускной строгостью грозя мне изящным пальчиком, говорит: — И не шали тут без меня. Её удаляющийся смех отрезвляет меня знакомыми нотками зловещей решимости безжалостной садистки. Именно этот смех я слышал, когда лежал, завернутый в одеяло, будто младенец, под попками Эрики и её подруг. Я с трудом пытаюсь осмыслить, во что вляпался, медленно всплывая из пучин гипнотического омута, куда меня загнало лицезрение совершенных форм моей сестры. Как она могла догадаться? Почему вернулась из школы раньше времени? Ведь всё шло просто замечательно. Я и до этого ни разу не попадался на горячем.

Ни мама, ни Эрика, ни за что не должны были догадаться, что я в тайне примеряю на себя их одежду. Я всегда тщательно приводил её в порядок, прежде чем повесить обратно, а на следующий день, если мама вдруг надевала жакет, в котором я онанировал, моё лицо оставалось подчёркнуто безразличным. А на Эрику, одетую в попользованные мной блузочки, я вообще старался не смотреть. Не хватало еще пустить слюни от похоти, глядя, как элегантно она поправляет манжеты. Зато внутри я вовсю ухмылялся, похваляясь, какой я ловкий конспиратор. Это были мои маленькие победы над ними. Я топтался на их святынях, а они и не подозревали об этом. А вот что теперь-то делать? Бежать, пока она не вернулась? Запереться в комнате и ждать маму. Сбросить униформу и остаться голым, а когда она придёт залиться слезами и соврать, что это Эрика обрядила меня в свою новенькую форму и играла со мной в учительницу? Будет конечно до ужаса стыдно, но, по-крайней мере, я буду защищен от побоев. А уж с унижением я как-нибудь справлюсь, не привыкать. И хотя мама не питала ко мне особой любви, всё-таки, такого она Эрике не простила бы. Отшлёпала бы её, так, что она неделю потом не смогла бы садиться на свою горящую попку! Мама это умеет, уж мне-то можете поверить, перед вами дипломированный специалист с многолетним опытом спускания штанишек и получения розог за малейшие провинности, верительные грамоты в виде лиловых полос на попе прилагаются. Так что почувствовать на нежной коже ягодиц жалящие удары ремня в сильной маминой руке, разящие безжалостно и точно, как молнии, я никому не пожелаю. Никому, кроме своей сестры, возомнившей себя вправе обращаться со мной как с игрушкой, только потому, что моя слабость не позволяла мне дать ей отпор.

Моё тело вдруг стало мне до жути тесным. Меня будто выстирали и бросили сушиться на палящем солнце Ужас ситуации многотонным прессом подминал меня под себя. И без того тугой воротничок блузки клещами сдавил горло, галстук превратился в висельную петлю, на которой я болтаюсь перед толпой немытых крестьян, клеймящих меня извращенцем и адским отродьем. Мне не хватает воздуха, в горле — раскалённые пески Сахары, язык, как потрескавшаяся глина, лишённая последней капельки влаги. Я чувствую вес каждой пуговки, пиджак стягивает меня как смирительная рубашка. Не нужно медлить, подбадривал я себя, нужно быстрее бежать прочь из этой мышеловки, пока злобная фурия не вернулась. Тогда с

мыслями о побеге можно будет распрощаться. Стоит только рыпнуться, и Эрика играючи свалит меня с ног и завяжет моё трепыхающееся тело в какой-нибудь жутко болезненный узел. Моя собственная плоть становится для меня капканом, я хочу вырваться из её оков, получить способность проходить сквозь стены, и унестись далеко-далеко, забиться в самый темный уголок, и оставить обмякшую оболочку на милость Белокурой Истязательницы. От волнения я не заметил, как начал водить пальцем у себя в заднице, натягивая скользкие от слизи стенки кишечника, стараясь нащупать простату и хотя бы частично снять напряжение таким вот массажем. Но потом, слава богу, опомнился, отнял руки от интимных мест, в нарушение приказа госпожи, которой возомнила себя Эрика, поднялся с кровати и, стараясь не шуметь, на цыпочках стал пробираться к выходу.

http://tl.rulate.ru/book/890/20317